

Джиоева М.Г.

ОБ ЭТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ "ВРЕМЯ" И О НЕКОТОРЫХ ЕГО ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЗАЦИЯХ.

С глубокой древности до наших дней философская наука традиционно проявляет огромный интерес к категории времени. В силу ее сложности и глубины столь же традиционным стал и термин "проблема времени". Проблема же заключается главным образом в том, что вопрос о содержании категории времени в большинстве случаев "ставится неясно и недифференцированно" (5, с. 4). А решение этой проблемы представляет трудности во многом из-за неоправданного расширения, сужения или же смешения аспектов категории времени.

Объектом рассмотрения в данной статье являются этический и культурологический аспекты категории времени, а также некоторые особенности их отражения в лексике русского языка.

1. 1. За многовековую историю развития философской мысли было создано огромное количество научных трудов, посвященных изучению проблемы времени, однако очень немногие из них затрагивали отдельные ее аспекты (атрибутивность – субстанциальность, гомогенность – гетерогенность, дискретность-континуальность, обратимость-необратимость, конечность-бесконечность, объективность-субъективность, одномерность – многомерность, всеобщность-локальность, равномерность-неравномерность, уникальность-универсальность, единственность-множественность). Среди них – работы немецкого философа О. Вейнингера, который предпринял весьма удачную, на наш взгляд, попытку рассмотрения времени с этической точки зрения. В частности, в качестве предмета анализа с этой точки зрения он выделяет такую характеристику времени, как его односторонность.

Отмечая, что "односторонность времени... – самая глубокая проблема во вселенной..." (2, с. 122), он пытается доказать этическую обусловленность этой односторонности. О. Вейнингер рассматривает время как линейное, отмечая при этом кардинальное отличие пространственной линейности от временной: "По прямой линии я могу прогуливаться в любую сторону, а времени, которое ведь представляется в виде прямой, недостает этого свойства" (2, с. 122). В связи с этим О. Вейнингер говорит о неэтичности всех вращательных форм движения, которые являются, с его точки зрения, попытками вернуть время в исходную точку. В чем же здесь заключается неэтичность? "Что односторонность времени есть выражение этичности жизни, на это есть много указаний. Безнравственно дважды сказать одно и то же; так, по крайней мере, чувствует человек, который предъявляет к себе самые высокие требования и чувствует себя погибшим, если он не повинуется им. Так понимал и Христос: самая глубокая и в то же время самая строгая... нравственная заповедь заключается в следующих словах Евангелия: "Не заботьтесь, что сказать, когда у вас спросят, но говорите, что вам внушит дух. Не заботьтесь, как и что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать" (Евангелие от Матфея, 10, 19). Ибо: если я говорю то, что я задумал сказать, то я вычеркиваю время, которое лежит между предыдущим моментом обдумывания и новым, который вызывает действие; я допускаю ложь по отношению к новому моменту, именно отождествляю его с предыдущим; и тем самым я оказываюсь в то же время обусловленным, поскольку я сам обусловил себя посредством предыдущего момента, посредством эмпирической причинности" (2, с. 122). Поэтому "безнравственно желать изменить прошлое: всякая ложь – это фальсификация истории" (2, с. 122).

Очевидно, то же самое имел в виду Х. Л. Борхес, когда писал: "Изменить прошлое – не значит изменить только события; это значит зачеркнуть его последствия, которые должны иметь бесконечное продолжение. Говоря иными словами – это значит создать две всеобщие истории" (1, с. 214).

Касааясь проблемы связи пространства и времени, О. Вейнингер указывает, что ее решение следует искать в движении. "Время – это способ, каким пространство может быть измерено... Но оно также единственная форма, в которой "я" (Бог в человеке) обретает себя. Пространство, таким образом, есть проекция "я" (из царства свободы в царство необходимости). Оно включает в одновременности то, что может быть пережито только во временной последовательности" (2, с. 127). С точки зрения последовательности – одновременности, О. Вейнингер соотносит с пространством и временем такой феномен, как музыка. Он отмечает, что мелодия в музыке соответствует времени (отдельные тоны образуют ритм), а гармония соответствует пространству. Поэтому мелодия изображается линией. Исходя из этого, можно сделать вывод, что свет соответствует пространству (глаз с фиксационной точкой), а звук – времени (слух без "местного знака"). Нельзя не заметить, что эта мысль, хотя и характеризует время с этической точки зрения, все же близка к положению физиолога И. М. Сеченова о том, что слух – это анализатор времени (9).

Наконец, О. Вейнингер подчеркивает, что время в этическом смысле не тождественно времени физическому: "В то время как земля, на которой мы живем, непрерывно продолжает кружиться, человек остается незатронутым космическим танцем. Его дух не связан механически со всей системой; свободно взирает он на разыгрывающуюся драму и придает ей ценность или лишает ее" (2, с. 129).

1.2. Основой, на которой формировалось восприятие и отражение времени в социуме, является физическое (объективное) время.

Как отмечает Н. Н. Трубников, "в отличие от длительности как таковой реальное время всегда есть время некоторой специфической последовательности и связи. С самого начала оно есть время некоторой конечной последовательности, конечного цикла или конечной совокупности циклов, есть время конечной длительности.

Таким является "время жизни", жизни человека или жизни элементарной частицы. Таким является время жизни физических элементов. Таким является время общественно-экономических формаций, человеческих сообществ и цивилизаций. Таким является время событий космической жизни. В каждом случае мы имеем свои особые, специфические формы времени, специфические цикличности, длительности, последовательности и ритмы" (11, с. 234).

Восприятие и отражение времени социумом, как кажется, имеет качественный и количественный аспекты. Причем первый более характерен для древнейших социальных образований, второй – для более современных. И это естественно, так как рациональной гомогенности времени противопоставляется его архаическая гетерогенность. С этой точки зрения, выделяются две базисные модели времени – циклическая и линейная.

В древнейших социумах способом упорядочения времени являлся ритуал. Ритуал полностью соотносится с циклическим временем, возвращая его каждый раз в исходную точку. Не совсем правы, на наш взгляд, С. Г. Проскурин и Ю. С. Степанов, говоря о том, что "ритуал имеет смысл, но не цель" (7). Ведь ритуал подразумевает выполнение некоторых действий для достижения определенного результата. Следовательно, целенаправленность присутствует и здесь. Ритуал призван к сохранению стабильности. Стабильность же является характеристикой циклического времени. Циклическая модель времени "ограничивает временную перспективу. Ей не свойственны понятия истории и прогресса. В ней ослаблено "чувство нового", но усилено "чувство тождества"... Действия человека подчинены смене циклов и ритмически возобновляющимся естественным потребностям. Их "замысел" и их удовлетворение в известной мере автоматичны. Цель действия однозначно задана природой вещей" (7, с. 17). Такое время в большей степени качественно.

Для нового (исторического) человека более характерно восприятие времени как линейного. "Линия в отличие от круга помещена в ориентированном пространстве..." (7, с. 17). Такое время в большей степени количественно. К нему, следовательно, приложима идея измерения.

Вероятно, одной из главных причин, побуждающих человека измерять время, является следующая: именно единственность времени, по утверждению А. Куинтона, является необходимым условием сохранения тождества личности. Необходимо отметить, однако, что в процессе измерения времени совмещаются циклические и линейные представления. "Представления о линейном развитии... не отменяют циклических "календарных" представлений, а как бы надстраиваются над ними" (7, с. 14).

Как указывает Г. Рейхенбах, существует два основных метода измерения времени:

1) подсчет периодических процессов; 2) измерение пространственных расстояний, соответствующих определенным периодическим процессам. И далее Г. Рейхенбах справедливо замечает, что "на самом деле мы никогда не измеряем "чистое время", но всегда процессы..." (8, с. 136).

Существует множество различных факторов, влияющих на методы, способы, сам процесс и результаты измерения времени. К таким факторам можно отнести, например, географические, социальные, религиозные и т.д. "Представления о годовом времени складываются в зависимости от географической широты наблюдения, как точное время – от долготы, и характерны поэтому скорее для человеческих сообществ, географически связанных с более или менее отчетливо выраженной сменой времен года". (11, с. 26). Н. Н. Трубников приводит такой пример: индейское племя Эквадора хиваро не имеет представления о годе как таковом. Лунный же календарь хорошо дифференцирован. В лунном месяце насчитывается до десяти различных периодов. Именно в силу влияния этих факторов у разных народов и в различные исторические периоды существовало великое множество разнообразных календарей.

Астрономическими основами календаря являются периодические процессы: смена дня и ночи, изменение лунных фаз и смена времен года. На основе этих процессов установлены единицы измерения больших промежутков времени. В разные эпохи у разных народов были созданы три вида календарей: лунные (лунная хиджра в мусульманских странах), солнечные (юлианский, григорианский, календарь Великой французской революции, единый национальный календарь Индии, древнерусский календарь) и лунно-солнечные (календари древней Вавилонии, Китая, Иудеи, Греции, Рима, современный календарь Израиля). Международным в современную эпоху является григорианский календарь. Но в силу того, что он имеет ряд недостатков (неодинаковая продолжительность месяцев, неравенство кварталов, полугодий, несогласованность чисел месяца с днями недели), еще в 19 веке начал обсуждаться вопрос о реформе календаря. Однако сложные политические и экономические взаимоотношения между странами мира до сих пор не позволяют создать всемирный календарь. Проблемой реформы календаря занимается международная организация – Экономический и Социальный совет ООН.

Нельзя не обратить внимание на любопытный факт: если относительно названий единиц измерения больших отрезков времени существует ярко выраженная национальная специфика, то названия коротких отрезков времени, напротив, являются едиными для всех стран; в большинстве языков функционируют международные обозначения коротких отрезков времени, восходящие к латыни. Возможно, объяснение этому следует искать в относительно позднем начале подробного и точного счета времени (членение времени на минуты начинается с 17 века, на секунды – примерно с 1760 г), а также в развитии тех областей науки и техники, которые пользуются этими единицами измерения времени.

Наряду с календарями, измеряющими физическое время, существуют календари, помогающие ориентироваться во времени, феномены которого не всегда привязаны к точному физическому времени. Здесь на первый план выступают качественные характеристики времени. Таковы, например, календари исторического времени. Анализируя историческое время, нетрудно заметить, что оно не поддается описанию в терминах физического времени. Отсюда множество попыток периодизации исторического времени. При делении исторического времени по физическим единицам, т.е. тысячелетия, столетия, годы и т.д., принятые физические нормативы оказываются малоэффективными. Так, 19 век в западноевропейской исторической науке принято считать с 1815 г., с момента окончания наполеоновских войн. 20 век принято считать с 1914 г. и т.д.. Тем более это касается эпох и периодов истории. Законо-

мерности их продолжительности и чередования вообще не имеют арифметической синхронности. Попытки найти период существования крупных исторических событий не увенчались успехом. Поэтому все создаваемые календари исторического времени (деление на культурные эпохи, на общественно-экономические формации, цивилизационные календари и др.) в первую очередь учитывают качественные характеристики времени. Качественность в большой мере присуща и таким явлениям, как религиозные и народные календари.

2.1. Исследованный нами лексический материал дает основания полагать, что наиболее ярким выражением социокультурных представлений о календарном времени является лексика, входящая в ЛСГ "Единицы измерения времени". Анализ этой ЛСГ показывает, что она включает в себя несколько микрогрупп. В частности, это микрогруппы, обозначающие названия месяцев, дней недели, измерение времени по часам, а также функциональное измерение времени. Остановимся на некоторых из них.

2.2. Группа, которую образуют названия месяцев, претерпела наибольшие изменения, отразившие реальные изменения в календарной системе. В русском языке довольно рано, в 12 веке, начался процесс вытеснения общеславянской системы обозначения месяцев, ориентированной на реальный мир природы, заимствованной из латыни через греческий. Некоторое время обе системы сосуществовали, но затем исконная система распалась, и уже начиная с 16 века заимствованные названия прочно закрепились в русском языке. Этот процесс коснулся в гораздо меньшей степени или же не коснулся вовсе других славянских языков. Любопытной особенностью старых названий месяцев является то, что в разных языках они называют не один и тот же месяц.

Например, в украинском языке сохранились древние названия месяцев: *січень, березень, червень, грудень*. Однако, в отличие от общеславянской календарной системы, *січень* обозначает не февраль, а январь, *березень* – не апрель, а март, *червень* – не июль, а июнь, *грудень* – не ноябрь, а декабрь. Нетрудно заметить, что смещение названий произошло с одного месяца на другой, но только соседний, причем весной они сместились назад, а осенью – вперед. В. В. Колесов (4) причину этого видит в том, что общерусская календарная система была, вероятно, ориентирована не на южную Русь, а на центральную. А когда после 12 века сформировалась замкнутая украинская система названий месяцев, произошел естественный сдвиг и выравнивание по реальному календарю. Так, слово *ліпень* в украинском языке связано с июлем, а в сербском – с июнем: липы в Сербии цветут раньше, чем в Украине. Общим основанием такого сдвига, по мнению В. В. Колесова, могло стать и несовпадение с теперешним состава дней в месяце. В языках же тех народов, которые сравнительно недавно начали пользоваться григорианским календарем, традиционные и заимствованные названия месяцев существуют параллельно.

2.3. Под функциональными единицами измерения времени мы будем понимать слова, не являющиеся собственно календарными единицами измерения времени, но являющиеся производными от таких слов и используемые для счета времени. Такие единицы производны от слов *день* и *год* и построены по одной и той же словообразовательной модели "числительное + аффиксид -*дневка/-летие*". Исключением являются только слова *декада* и *пятилетка*. Первые обозначают промежуток времени в некоторое количество дней, вторые – промежуток времени в некоторое количество лет, так же, как, скажем, *неделя* или *век*. Возникает вопрос, почему же тогда они выделяются в отдельную группу, и не является ли это исследовательским произволом. Анализ выявляет существенные различия в сочетаемостных свойствах семем, принадлежащих к этим группам. Например, *Они не виделись год/месяц/неделю/сутки/день* при невозможности **Они не виделись декаду/пятидневку/двадцатипятилетие*.

Семемы *год, месяц, неделя, сутки, день*, являясь календарными единицами, указывают на регулярную повторяемость, что не всегда можно сказать о *декаде, пятидневке, двадцатипятилетии*. Регулярная повторяемость порождает представление о динамичности, "текучести" времени, пусть и циклической. *Декады, пятидневки, двадцатипятилетия* внутренне статичны, лишены процессуальности (ср.: *Прошла неделя, другая – писем все не было* при невозможности **Прошла пятидневка, другая/тридцатилетие, другое...*).

Однако вполне корректны такие примеры: *Прошла декада индийской культуры/ грузинского искусства в Украине*. Таким образом, *декада* может осмысляться как нечто динамичное только в том случае, если присутствует указание на заполняющие ее события.

Напротив, в словосочетаниях *в день тридцатилетия, в канун сорокалетия* подчеркивается статичность, "точечность" ситуации, и в таком контексте они сближаются со словами *дата, число*.

2.4. Одной из самых малочисленных, но и обладающих наиболее четкой иерархией, является группа слов, обозначающих измерение времени по часам: *час, минута, секунда*. Эти единицы обозначают наиболее точное измерение времени. Подробный счет времени стал вестись в России с Петровской эпохи. Тогда в русском языке появились *минута* и *секунда*, восходящие к латыни. *Час*, очевидно, был известен гораздо раньше. И далеко не сразу стал обозначать отрезок времени в 60 минут. Анализируя древние славянские представления о времени, В. В. Колесов указывает, что время имело значение лишь постольку, поскольку оно являлось характеристикой какого-либо события. Всякое время было обязательно связано с какой-то функцией. Первоначально *час* мыслился как ожидаемое время, пора, затем как определенный срок, далее – как определенный отрезок времени и, наконец, как 1/24 суток. Подобные изменения в восприятии времени нашли отражение и в словаре В. И. Даля (ср.: *Час – время, времена, година, пора; // досуг, свобода от дел; // пора, срок, удобное к чему время; // час, мера времени, 60 минут, по 24 часа на сутки*) и наглядно представляют процесс абстрагирования времени от заполняющих его событий.

Поскольку подробное членение времени появилось довольно поздно, многие языки заимствовали понятия *минуты* и *секунды* вместе с их латинскими названиями. Исключением является украинское *хвилина*. В русском языке *минута* и *секунда* органично "вписались" в систему единиц измерения времени.

Свидетельством этого является наличие у *минуты* словообразовательной парадигмы (*минутный, ежеминутный, поминутно*), чего нельзя сказать об украинском языке. Например: рус. *минутное дело* и укр. *миттєва справа*, где единица измерения времени по часам заменяется показателем кратковременности без указания на измерение.

Таким образом, в социокультурном и этическом осмыслении категории времени находят свое выражение как количественные (метрические), так и качественные (топологические) свойства времени. Эти характеристики времени определенным образом закрепляются и в лексике языка, а именно: 1) среди календарных номинаций существует два вида цикличности – календарная и природная; 2) единицы измерения времени по календарю обладают динамичностью, хотя и циклической; функциональные единицы внутренне статичны и могут осмысляться как нечто динамичное только при наличии указания на событийную сторону. И наконец, среди номинаций единиц измерения времени гораздо больше интернациональных терминов, чем в других ЛСГ, относящихся к семантическому полю времени. Однако эта лексика органично вошла в русскую систему единиц измерения времени, о чем свидетельствует способность неисконных слов образовывать словообразовательные парадигмы.

Литература.

1. Борхес Х. Л. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1989.
2. Вейнингер О. Последние слова; Пол и характер: Сборник. – Минск: Попурри, 1997.
3. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. – М.: Прогресс, 1969.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1978-1980.
5. Колесов В. В. История русского языка в рассказах. – М.: Просвещение, 1982.
6. Молчанов Ю. Б. Проблема времени в современной науке. – М.: Наука, 1990.
7. Проскурин С. Г., Степанов Ю. С. Концепт "действия" в контексте мировой культуры. // Логический анализ языка. Модели действия. Институт языкознания РАН. – М.: Наука, 1992.
8. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985.
9. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. – М.: Госполитиздат, 1947.
10. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1981-1984.
11. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987.